

УДК 327

Александр ШУМИЛИН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА: ВРЕМЯ ПОТряСЕНИЙ

Аннотация. В центре внимания автора – тенденция к усилению нестабильности в странах, соседствующих с Евросоюзом на востоке и юге, а также реакция руководства ЕС на происходящее там. Часть этих стран охвачена двумя проектами ЕС – Восточным и Южным (Средиземноморским) партнёрствами, которые развиваются в рамках Европейской политики соседства (ЕПС). Их цель – обеспечить благоприятную среду Евросоюзу и странам-партнёрам для наращивания потенциала сотрудничества и тем самым минимизировать вызовы и угрозы для ЕС из этих регионов. Первая волна потрясений неожиданно нахлынула на Евросоюз со стороны его южных соседей («Арабская весна» 2011 г.) и привела к пересмотру ряда принципиальных установок партнёрства ЕС с ними. А в последнее время наметилась вторая волна, охватившая страны Восточного партнёрства (ВП): возобновление боевых действий между Азербайджаном и Арменией, массовые протесты в Белоруссии. При этом не сокращается и масштаб угроз для ЕС с юга. Автор статьи не стремится проанализировать ситуацию с ЕПС в целом, а фиксирует внимание на новых вызовах для ЕС на пространствах ЕПС. Последствия происходящего там могут подвигнуть ЕС к дальнейшей корректировке подходов к проблеме обеспечения собственной безопасности. На фоне потрясений сама ЕПС утрачивает прежнее значение – её всё чаще подменяют внешнеполитические практики отдельных государств ЕС.

Ключевые слова: Европейская политика соседства, ЕПС, Восточное партнёрство, ВП, Средиземноморское партнёрство, СП, Франция, Эммануэль Макрон, Ливан, Бейрут, Белоруссия, Нагорный Карабах.

Активно продвигаемый с 2004 г. проект Европейской политики соседства (ЕПС) преследует неизменные цели – поддержку политических, экономических и социальных реформ в следующих странах: Алжир, Ливия, Марокко, Тунис, Египет, Ливан, Сирия, Иордания, Израиль, Палестинская автономия (Средиземноморское партнёрство), а также Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина (Восточное партнёрство). В основу проекта заложен принцип приверженности европейским ценностям – соблюдению прав человека, развитию демократии и верховенству закона. С каждой из указанных стран руководство ЕС подписало соглашение о партнёрстве, сопровождаемое детализированным планом действий. С Россией намного раньше (в 1994 г.) достигнуто соглашение о Стратегическом партнёрстве и сотрудничестве (СПС), которое до 2014 г. предполагало взаимодействие в рамках отдельных программ и с ЕПС. Выделенный Евросоюзом бюджет на реализацию проектов ЕПС (он изначально назывался Европейский инструмент соседства и партнёрства – ЕИСП) на период 2007–

© Шумилин Александр Иванович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра «Европа – Ближний Восток» Отдела европейской безопасности, главный редактор Научно-аналитического вестника ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: mideast@bk.ru.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2020.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420208693>.

2013 г. выглядел достаточно скромно – 11,2 млн евро¹. После ревизии целей и задач ЕПС под воздействием потрясений сначала «Арабской весны» (2011–2014 гг.), а затем разразившихся на «весенней волне» региональных конфликтов в Сирии и Ливии бюджет ЕИСП, уже переименованного в Инструмент европейского соседства (ИЕС), резко вырос до 15,4 млрд евро на период с 2014 до 2020 гг.²

Средиземноморье: Франция vs Турция

С началом «Арабской весны» многие из прежних проектов ЕПС утратили свою актуальность, а новые ориентиры этого политического инструмента были направлены на решение задач по стабилизации ближневосточного региона, прежде всего в сфере обеспечения безопасности, а также в политическом и экономическом аспектах. Это и понятно: к 2014 г. уже обозначилась нарастающая динамика потоков беженцев из проблемных стран Средиземноморского партнёрства (СЕ) в Европу, что привело там к миграционному кризису в 2015–2016 гг.

Обновлённая ЕПС после 2015 г. выстраивалась на базе дифференцированного подхода Брюсселя к каждой стране-участнице с учётом готовности её руководства принимать во внимание интересы ЕС и его союзников по Евро-Атлантике³. Другим важным принципом стало приоритетное инвестирование в предприятия/объекты, зарегистрированные как совместная собственность партнёра и любой страны ЕС⁴. Тем самым финансовый инструмент (ИЕД) должен был обрести определённую страховку от форс-мажорных обстоятельств, связанных с политическими рисками в ближневосточном регионе, а сама обновлённая в 2015 г. концепция ЕПС разрабатывалась как органичная составляющая обнародованной в 2016 г. Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности ЕС (далее – Глобальная стратегия).

По мере трансформации внутренних потрясений в арабских странах – партнёрах по ЕПС в региональные конфликты (Ливия, Сирия, отчасти Ливан) вызовы и угрозы для Евросоюза с юга продолжают нарастать. Более того, они усиливаются и мультиплицируются в результате углубления расхождений между ЕС и Турцией – в частности, в связи с конфликтами в Сирии и Ливии⁵. Расхождения Брюсселя с Анкарой остаются достаточно глубокими: в июле 2020 г. произошёл ряд инцидентов военного характера между кораблями ВМС Турции и Франции, партнёрами по НАТО, в ливийской акватории Средиземного моря⁶. 7 июля 2020 г. глава внешнеполитической службы ЕС Ж. Боррель вылетел в Анкару в роли посредника для снижения уровня противостояния между Францией и Турцией. Последняя, кстати, формально всё ещё сохраняет статус кандидата на членство в Евросоюзе. Спустя месяц, однако, отношения ЕС с Турцией вновь осложнились уже из-за проводимых Анкарой изыскательских работ на спорном с Грецией шельфе. От имени ЕС действия Турции подверг критике Ж. Боррель⁷, а Фран-

¹ European Neighbourhood and Partnership Instrument (2007–2013). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:r17101&from=EN> (дата обращения: 26.08.2020).

² ENI – European Neighbourhood Instrument. New 2014-2020 programme for the European neighborhood instrument. URL: https://www.welcomeurope.com/eu-fonds/eni-european-neighborhood-instrument-2014-2020-840+740.html#tab=onglet_details (дата обращения: 26.08.2020).

³ В ряде арабских стран (в Египте, Ливии и Тунисе) в 2011–2013 гг., напомним, заметно усилили влияние исламистские группировки, некоторые из которых не скрывали своих намерений противостоять Западу.

⁴ European Neighbourhood Policy (ENP). European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighborhood-policy-enp/330/european-neighborhood-policy-enp_en (дата обращения: 26.08.2020).

⁵ См. подробнее: Шумилин А.И. Вызовы европейской безопасности-2020: между Мюнхеном и Идлибом. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1(13). С. 7. DOI:10.15211/vestnikieran12020410.

⁶ Irish J., Emmott R. France-Turkey tensions mount after NATO naval incident. Reuter. 07.07.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-france-turkey-analysis/france-turkey-tensions-mount-after-nato-naval-incident-idUSKBN2481K5> (дата обращения: 26.08.2020).

⁷ Statement by the High Representative/Vice-President Josep Borrell on renewed drilling activities by Turkey in the Eastern Mediterranean. European Union External Action, Brussels. 16.08.2020. URL: <https://eeas.europa.eu/headquar>

ция направила свои военные корабли в район повышенной напряжённости¹. Наконец, мощнейший взрыв в порту Бейрута 4 августа 2020 г., жертвами которого стали около 220 человек, раненых – порядка 6000, 300 тыс. жителей города лишились крова, а размер материального ущерба оценивается в 10-15 млрд долл. США². И в Ливане европейскую политику представлял в первую очередь Париж.

Напряжённые отношения между Францией и Турцией всё отчетливее выглядят как их соперничество в Восточном Средиземноморье, особенно применительно к таким проблемным арабским странам проекта ЕПС, как Ливия и Ливан. Это не должно удивлять, поскольку с приходом Э. Макрона в Елисейский дворец в 2017 г. Париж начал посылать партнёрам по ЕС сигналы о своей готовности играть особую роль в разработке и проведении ближневосточной политики ЕС. По словам известного аналитика и дипломата М. Л. Рапнуа, «Ближний Восток – важнейшее направление внешней политики Парижа. Это тот регион, в котором Франция стремится утвердить свой статус мировой державы, порой несоизмеримый её реальной весовой категории, стремится продемонстрировать независимость, столь важную для ощущения своего места в мире... Э. Макрон подтверждает это, придавая Ближнему Востоку первостепенное значение в своей политике и в своих специфических инициативах»³.

Что касается Турции, то при президенте Р.Т. Эрдогане она позиционирует себя как региональная держава, а в последнее время – и как значимый центр той части многоликого движения «исламского возрождения», которое опирается на организацию «Братья-мусульмане». В религиозном плане Турция соперничает с Саудовской Аравией (центром консервативного суннизма) и Ираном (центром шиизма). Политические амбиции турецкого руководства объясняют глубокую вовлечённость Анкары в крупные региональные конфликты (в Сирии и Ливии), а также в напряжённую ситуацию в Ираке и Ливане.

Мощнейший взрыв в Бейруте помимо тяжёлых гуманитарных последствий повлёк за собой потрясения политические (отставка правительства, обострение отношений между партиями и религиозными общинами и т.д.). Перспектива нарастания хаоса с последующей дезинтеграцией этой страны казалась вполне реалистичной. На трагедию отреагировали многие государства и международные организации, но именно Турция и Франция (от лица Евросоюза) обозначили особое внимание и озабоченность произошедшим. В первые же часы после взрыва туда прибыли турецкий премьер и глава МИД, а 6 августа – французский президент Э. Макрон. Напомним, что Париж традиционно (со времён французского мандата после первой мировой войны) рассматривал Ливан как одну из «опорных» стран своей ближневосточной политики. Турция же, во-первых, поспешила занять место «уходящей» из Ливана Саудовской Аравии в качестве покровителя суннитской части его населения и, во-вторых, пытается предотвратить превращение этой страны в очередной очаг кризиса вблизи своих границ. Не удивительно, что демарши Парижа и Анкары в отношении Ливана многие аналитики восприняли как проявление соперничающих амбиций – особенно на фоне их недавнего противостояния в Восточном Средиземноморье⁴.

ters/headquarters-homepage/84111/statement-high-representative-vice-president-josep-borrell-renewed-drilling-activities-turkey_en (дата обращения: 15.08.2020).

¹ France to bolster Mediterranean military presence over Turkish gas exploration in disputed waters. France 24. 13.08.2020. URL: <https://www.france24.com/en/20200813-france-to-bolster-military-presence-in-mediterranean-over-turkish-gas-explorations> (дата обращения: 14.08.2020).

² Lebanon's government «to resign over blast». BBC. 10.08.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-53720383> (дата обращения: 16.08.2020).

³ Rapnouil M.L. Alone in the desert? How France can lead Europe in the Middle East. ECFR/251. 10.04.2018. URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/alone_in_the_desert_how_france_can_lead_europe_in_the_middle_east (дата обращения: 16.08.2020).

⁴ Young M. Might growing regional and international involvement in Lebanon change power relations in the country?

Для таких оценок достаточно оснований: представители турецкого истеблишмента подвергли жёсткой критике визит Макрона в Ливан, в частности, обвинив Париж в стремлении «вернуться к колониальной политике в этой части ближневосточного региона»¹. Резкость выражений официальных лиц можно отчасти объяснить тем, что французский президент выдвинул инициативу по восстановлению Бейрута, которая сводилась в политическом плане к созданию внепартийного правительства технократов во главе с Саадом Харири (бывший премьер-министр), а в экономическом – к готовности Франции взять на себя ответственность за восстановление порта и части ливанской столицы. При этом, не скрывает окружение Макрона, большая часть финансовых затрат будет компенсирована арабскими монархиями, в частности, ОАЭ. Словом, по плану Макрона, с которым склонны согласиться президент Ливана Мишель Аун и даже руководство шиитской Хизбаллы, восстанавливать Бейрут будут те арабские страны, которые противостоят Турции по широкому кругу региональных проблем, включая конфликты в Ливии и Сирии. Это означает, что они же будут оказывать и наибольшее влияние на политические процессы в Ливане.

Впрочем, полагают осведомлённые аналитики, по плану Макрона участие в восстановлении Бейрута без лишнего шума может принять и Иран. И это не удивительно, ибо главный финансист проекта – ОАЭ – начинает осторожно взаимодействовать с Тегераном по ряду направлений, несмотря на откровенное раздражение своего ближайшего союзника – Саудовской Аравии². Макрона же такая комбинация «восстановителей Ливана» должна устраивать, хотя бы потому, что она создаёт поле для примирения давних противников в регионе (ОАЭ, а за ними и, возможно, других арабских монархий с Ираном) – и это под эгидой Парижа. Такой гипотетический успех на Ближнем Востоке не по силам даже США. Кроме того, Макрон активнее и последовательнее других европейских лидеров выступает за сохранение «ядерной сделки» мирового сообщества с Ираном (после выхода США из соглашений в 2018 г.), что делает его в глазах аятолл наиболее договороспособным партнёром Тегерана в Евросоюзе.

Как видно, политика Франции в отношении Ливана в большей степени вписывается в её собственную стратегию усиления влияния в Восточном Средиземноморье, выстроенную преимущественно на геополитических расчётах, чем в концепцию Средиземноморского партнёрства ЕС, которая предполагает приоритет ценностной составляющей³. Более того, нарастающее противостояние между Францией (а также рядом европейских стран, в частности, Грецией) и Турцией явно девальвирует саму политику ЕПС, нацеленную на «бесконфликтность» в отношении ближайших соседей. Эта политика, заметим, также обесценивается и различиями в подходе стран ЕС к разрешению кризиса в Ливии: например, Италия и Франция склонны поддерживать противоположные стороны во внутриливийском противостоянии.

Восточное партнёрство: боевые редуты

В отличие от Средиземноморского партнёрства ситуация на восточном направлении ЕПС иная: между Евросоюзом и странами к востоку от него (постсоветские государства) проходит линия, разделяющая пространства ответственности двух военно-политических альян-

URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/82509> (дата обращения: 12.08.2020).

¹ Erbay Nur Özkan. France maintains colonial mindset in Lebanon, Africa, East Med, Turkish officials say. Daily Sabah. 11.08.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/france-maintains-colonial-mindset-in-lebanon-africa-east-med-turkish-officials-say> (дата обращения: 17.08.2020).

² Gjevorci E. How does Lebanon fit into Macron's aims for the Eastern Mediterranean? TRT World. 13.08.2020. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/how-does-lebanon-fit-into-macron-s-aims-for-the-eastern-mediterranean-38875> (дата обращения: 15.08.2020).

³ Karoui Hakim El. Nouveau monde arabe, nouvelle «politique arabe» pour la France. Institut Montaigne. August 2017, P. 140. URL: <http://www.institutmontaigne.org/publications/nouveau-monde-arabe-nouvelle-politique-arabe-pour-la-france> (дата обращения: 16.08.2020).

сов – НАТО и ОДКБ. Это означает повышенное внимание руководства обоих блоков именно к военным аспектам взаимодействия стран ЕС/НАТО, с одной стороны, и СНГ/ОДКБ, с другой. В этом случае экономические и логистические проекты в рамках ЕПС представляются вторичными по отношению к проблемам безопасности. Более того, каждый раз, когда та или иная страна выходит из сферы СНГ/ОДКБ (Грузия в 2008 г., Украина в 2014 г.), она оказывается очагом военно-политического противостояния между двумя блоками (напряжённость между НАТО и ОДКБ вокруг Грузии стала «родовой травмой» уже при запуске проекта ВП в 2009 г.). Неудивительно, что изначально, по словам С. Лаврова, проект ВП воспринимался в Москве как инициатива, направленная «на отрыв от России наших ближайших соседей»¹.

Кроме того, на постсоветском пространстве сохраняется ряд «замороженных» конфликтов (Нагорный Карабах, Приднестровье), которые периодически повышают напряжённость между НАТО и ОДКБ, усложняя реализацию ЕПС. С учётом этого на пятом саммите ВП в ноябре 2017 г. в Брюсселе получил дальнейшее развитие тезис о разных скоростях сближения с ЕС – было подтверждено право стран-объектов самим выбирать уровень сотрудничества, к которому они стремятся в отношениях с ЕС². В результате сегодня сравнительно высокие темпы сближения с Евросоюзом демонстрируют Молдова, Украина, Грузия, а в последнее время и Армения. Азербайджан и Белоруссия предпочитают умеренное продвижение в сочетании с маневрированием между ЕС и Россией. Условный «радар», мониторящий противостояние двух блоков (НАТО и ОДКБ), вынуждает даже Брюссель – во избежание повышения напряжённости между ЕС и РФ – охлаждать желания некоторых партнёров на востоке максимально быстро и полнее ассоциироваться с Евросоюзом. Показательно, что юбилейный саммит ВП в мае 2019 г. закончился без принятия совместной декларации, а представители Грузии и Украины не скрывали своего недовольства тем, что в проекте этого документа не отмечались их «европейские устремления»³.

«Разморозившийся» и резко перешедший в горячую стадию в июле 2020 г. конфликт вокруг Нагорного Карабаха поставил ЕС перед необходимостью и обязательствами активизировать свою роль посредника – как минимум в рамках Минской группы ОБСЕ (Россия, Франция, США). Положение, однако, осложняется вмешательством региональных держав – Турции и Ирана. Как справедливо отмечает регионовед С. Маркедонов, «позиция Турции как страны НАТО существенно отличается от позиции её союзников по Альянсу – США и Франции, которые выступают не за победу одной из сторон, а за компромиссное решение»⁴. Вышеупомянутые противоречия между Францией и Турцией в Средиземноморье не могут не отражаться и на посреднических усилиях ЕС в отношении нагорнокарабахского конфликта. Как бы то ни было, но остаются бесплодными обещания, данные в марте 2016 г. главой внешнеполитической службы ЕС Ф. Могерини, сделать этот конфликт «главным приоритетом» дипломатических усилий Евросоюза на Южном Кавказе. Известные западноевропейские аналитики Аманда Пол и Деннис Саммут, отслеживающие подход ЕС к происходящему вокруг Нагорного Карабаха, приходят к следующему выводу: «Факты, однако, противоречат словам Мо-

¹ Лавров С.В. Соседи по Европе. Российская газета. 18.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html> (дата обращения: 16.08.2020).

² Шишелина Л.Н. Программа Восточного партнёрства – задачи нового десятилетия. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2(14). С. 22-28. DOI: 10.15211/vestnikieran220202228.

³ Istrate D. Landmark Eastern Partnership summit ends without joint declaration. Emerging Europe. 15.05.2019. URL: <https://emerging-europe.com/news/landmark-eastern-partnership-summit-ends-without-joint-declaration/> (дата обращения: 16.08.2020).

⁴ Маркедонов С.М. Нагорно-карабахский конфликт: на перекрестке внешнеполитических интересов. РСМД. 17.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorno-karabakhskiy-konflikt-na-perekrestke-vneshnepolitich/> (дата обращения: 22.08.2020).

герини: как показывают возобновляющиеся военные столкновения в зоне конфликта, ЕС остаётся пассивным наблюдателем, который, не имея реальных рычагов воздействия на противоборствующие стороны, только призывает телефонными звонками Армению и Азербайджан проявлять сдержанность»¹.

Ещё более проблемно складывается ситуация на линии непосредственного соприкосновения НАТО и ОДКБ – вокруг Белоруссии. На фоне массовых выступлений протеста против предполагаемых фальсификаций президентских выборов в августе 2020 г. официальный Минск акцентирует «наличие внешней угрозы» в виде натовских формирований (учений) у своих границ. Руководство ЕС, со своей стороны, подчёркивает, что не рассматривает кризис в Белоруссии «под геополитическим углом»². Тем самым Брюссель направляет сигнал, прежде всего, Москве о стремлении предотвратить эскалацию кризиса и его возможный переход в стадию силового противостояния двух блоков. Более того, К. Бильд (кстати, один из инициаторов проекта ВП) предлагает европейцам воспринимать происходящее в Белоруссии по аналогии с Арменией 2018 г. И подчёркивает, что после демократической революции там военно-стратегические интересы России в Армении были соблюдены новой властью, что позволило избежать витка эскалации между Москвой (ОДКБ) и НАТО³.

Сегодня становится яснее, чем прежде, что столкновение ЕПС с кризисами в странах-партнёрах повышает востребованность Брюсселем стратегий и механизмов, связанных с обеспечением безопасности ЕС. Тем самым деформируется суть проекта ЕПС, призванного применять инструменты «мягкой силы». Эта реальность ставит под вопрос обоснованность самой ЕПС, считает Стивен Блокманс, руководитель внешнеполитического направления Центра изучения европейской политики (CEPS) в Брюсселе. Он, в частности, констатирует: «Транзакционный подход (использование тем или иным государством ЕС специфических схем урегулирования применительно к каждому кризису – *А.Ш.*), похоже, стал столь же обычным явлением для ЕПС, как и использование средств “жёсткой силы”, причём, на двусторонней основе (между государством ЕС, а не Евросоюзом в целом, и страной-партнёром – *А.Ш.*). В этой связи имеет ли смысл говорить об отдельной политике добрососедства, когда она де факто основывается на тех же посылах, что и Глобальная стратегия ЕС? Означает ли ЕПС нечто большее, чем географический ребрендинг «традиционной» внешней политики? Или это всего лишь структура для комплексного подхода к странам, которые случайно граничат с ЕС, и для выделения большего финансирования на эти цели?»⁴. С. Блокманс приходит к выводу, что «Принципиальный прагматизм» с всё более жёстко звучащей *Realpolitik* подменяет повестку (ЕПС – *А.Ш.*), основанную на ценностном подходе»⁵.

* * *

Признаки погружения ЕПС в весьма проблемное, если не кризисное, состояние проявляются на протяжении последних шести лет, что стало основанием для пересмотра концепции ЕПС в 2015 г. Этот проект всё отчетливее утрачивает своё самостоятельное значение в рамках внешнеполитической деятельности с учётом заявленных его инициаторами целей по созданию средствами «мягкой силы» благоприятных условий для ЕС в его ближайшем геогра-

¹ Paul A., Sammut D. The EU cannot remain a passive observer of the Karabakh conflict. The European Policy Centre (EPC). 07.04.2016. URL: <https://www.epc.eu/en/Publications/The-EU-cannot-remain-a-passive-observer-of-the-Karabakh-conflict~1d22fc> (дата обращения: 23.08.2020).

² Bildt C. The Armenian model for Belarus. ECFR, Brussels. 19.08.2020. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_the_armenian_model_for_belarus (дата обращения: 23.08.2020).

³ Ibid.

⁴ Blockmans S. The Obsolescence of the European Neighbourhood Policy. CEPS, Brussels. 2017. P. 1.

⁵ Ibid. P. 7.

фическом окружении. Данная тенденция нашла отражение и в ходе юбилейного саммита ВП в мае 2019 г. Вместо скоординированного между всеми странами ЕС подхода к их соседям в сфере экономики и строительства демократических систем руководство Евросоюза вынуждено обращаться в первую очередь к решению проблем собственной безопасности, отражению множасьщих угроз, порождаемых в странах Средиземноморского и Восточного партнёрств. В некоторых случаях позиции расходятся даже среди ведущих стран ЕС. Например, в Ливии Франция и Италия склонны поддерживать различные стороны конфликта, а после взрыва в Ливане Париж выстраивает собственную политику, нацеленную на усиление французского присутствия в регионе. В отношении кризиса вокруг Белоруссии обозначилась особая линия поведения руководства Польши и Литвы.

Поскольку ЕПС заявлена как альтернатива процессу расширения ЕС, то она лишает стимулов те страны ВП, которые хотели бы стать полноправными членами союза, что вызывает их открытое недовольство (Украина, Грузия). Кроме того, в рамках ЕПС по-прежнему не существует механизмов разрешения конфликтов, что отчётливо проявляется в Ливии, Ливане, Нагорном Карабахе. Всё чаще ЕПС замещается механизмами деконфликтизации из арсенала «традиционной» внешней политики, отражённых в Глобальной стратегии ЕС. В результате, считают многие аналитики, ЕПС своей несостоятельностью в ряде случаев попросту дискредитирует внешнюю политику Брюсселя.

Судя по всему, на данном этапе ЕПС и её региональные проекты партнёрств достигли пределов своей реализации. Одно из свидетельств тому – кризис вокруг Белоруссии. По сути, это тот рубеж, который потенциально может стать линией конфронтации между ЕС/НАТО и Россией/ОДКБ.

Список литературы

Бабынина Л.О. Новые проекты продвинутого сотрудничества: сценарий №3 становится реальностью? // Европейская аналитика 2018. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 79-86.

Маркедонов С.М. Нагорно-карабахский конфликт: на перекрестке внешнеполитических интересов. РСМД. 17.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorno-karabakhskiy-konflikt-na-perekrestke-vneshnepolitich/> (дата обращения: 24.08.2020).

Шишелина Л.Н. Программа Восточного партнёрства – задачи нового десятилетия // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2(14). С. 22-28. DOI: 10.15211/vestnikieran220202228.

Шумилин А.И. Вызовы европейской безопасности-2020: между Мюнхеном и Идлибом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1(13). С. 4-10. DOI: 10.15211/vestnikieran12020410.

References

Babynina, L.O. (2018) Novye proekty prodvinitogo sotrudnichestva: scenarij №3 stanovitsya real'nost'yu? [New projects of the advanced cooperation are getting reality?] Evropejskaya analitika 2018 [European analytics 2018]. Moscow: IE RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 79-86. (In Russian).

Blockmans, S. (2017) The Obsolescence of the European Neighbourhood Policy. CEPS, Brussels.

European Neighbourhood Policy (ENP). European Union External Action. Available at: <https://>

eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (accessed 20.08.2020).

Lavrov, S.V. Sosedni po Evrope [Neighbors in Europe]. Rossijskaya gazeta [Russian Gazette]. December 18, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html> (accessed 20.08.2020). (In Russian).

Markedonov, S.M. Nagorno-karabakhskij konflikt: na perekrestke vneshnepoliticheskikh interesov [The Nagorno-Karabakh Conflict: at the Crossroads of Foreign Policy Interests]. RIAC. January 17, 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorno-karabakhskiy-konflikt-na-perekrestke-vneshnepolitich/> (accessed 24.08.2020). (In Russian).

Shishelina, L.N. (2020) Programma Vostochnogo partnerstva – zadachi novogo desyatiletija [Eastern Partnership – Tasks for a New Decade]. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS]. 2(14). P. 22-28. (In Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran220202228.

Shumilin, A.I. (2020) Vyzovy evropejskoj bezopasnosti-2020: mezhdru Myunhenom i Idlibom [2020 European Security Challenges: between Munich and Idlib]. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS]. 1(13). P. 4-10. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12020410>.

European Neighborhood Policy: Time of Turbulence

Author. Alexander Shumilin, Doctor of Political Sciences, Chief Research Associate, Head of the Center «Euro-Atlantic – the Middle East» of the European Security Department, Editor-in-Chief of the Scientific Analytical Vestnik at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** mideast@bk.ru.

Abstract. The author focuses on the tendency towards increased instability in the countries neighboring the European Union in the east and south, as well as the reaction of the EU leadership to what is happening there. Some of these countries are covered by two EU projects – Eastern and Southern (Mediterranean) partnerships, which are developing within the framework of the European Neighborhood Policy (ENP). Their goal is to provide a favorable environment for the European Union and partner countries to build up cooperation potential and thereby minimize the challenges and threats for the EU from these regions. The first wave of shocks unexpectedly swept over the European Union from its southern neighbors (the Arab Spring of 2011) and led to a revision of a number of fundamental principles of the EU's partnership with them. Recently, a second wave has emerged that has engulfed the countries of the Eastern Partnership (EaP): renewed hostilities between Azerbaijan and Armenia, mass protests in Belarus. At the same time, the scale of threats to the EU from the south does not decrease either. The author of the article does not seek to analyze the situation with the ENP as a whole, but focuses on the new challenges for the EU in the ENP spaces. The consequences of what is happening there may prompt the EU to further adjust its approaches to ensuring its own security. Against the backdrop of shocks, the ENP itself is losing its former significance - it is increasingly being replaced by the foreign policy practices of individual EU states.

Key words: European Neighborhood Policy, ENP, Eastern Partnership, EaP, Mediterranean Partnership, JV, France, Emmanuel Macron, Lebanon, Beirut, Belarus, Nagorno-Karabakh.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420208693>.